

Л. Н. Митрохин

О религиозной ситуации в России

Люди старшего на каждом шагу замечают, как кардинально изменилась наша страна за минувшие 20 лет. И дело не только в том, что ее прежняя карта напоминает кусок сыра, изъеденный мышами-реформаторами. Иным стал социальный облик страны, ее властные структуры, формы собственности, межличностные отношения и т.д. Но, пожалуй, главный поворот произошел в сфере сознания, в идеалах и идеалах, в массовом мироощущении. В этом отношении наиболее чутким индикатором совершившихся перемен может служить отношение к религии. Как известно, 1917-1991 годы были временем господства так называемого «научного атеизма» - официальной идеологии большевистской власти, стремившейся насильственно ликвидировать религию и церковь. Эта установка продолжалась и после того, как у нас началась «перестройка». Так, еще 27 сентября 1987 года в передовой газете «Правда», органе ЦК КПСС говорилось нечто несуразное: «Надо бороться с религией, которая согласно учению Ленина от начала до конца (!) является ложным мировоззрением», а спустя год Пленум МГ КПСС отклонил апелляции людей, исключенных из КПСС за участие в церковных обрядах¹.

Положение коренным образом меняется в 90-е годы, когда прежняя оценка религии как оплота невежества и обскурантизма заменяется лозунгом, который разделяется не только церковными, но и большинством светских авторов: «Без религии и церкви у России нет будущего». Начинается эпоха так называемого «религиозного возрождения».

Все эти изменения первоначально совершавшиеся в интеллигентских кругах, постепенно проникают в толщу массового сознания, как бы иллюстрируя одно пронизательное суждение Жака Маритена. Атеизм в России, писал он, не был связан с долгими битвами, ведущимися Просвещением, как это было на Западе. «Его народная историческая база в России – это сама религия народа, который, как огромная иррациональная динамическая сила, может внезапно полностью измениться в том или ином смысле и в мистическом угаре, тая зло против Бога, броситься в бездну атеизма; но он может еще раз измениться и вновь обрести веру в Бога, будет ли она искренней или нет – неизвестно»².

Поэтому размышляя о современной религиозной ситуации в России, следует внимательно учитывать не только особенности ее многовековой истории, но и положение религии и церкви в советское время. А положение это было трагическим. Как только большевики взяли власть, был создан разветвленный репрессивный аппарат, подчинявшийся секретной Антирелигиозной комиссии Политбюро (1922-1929)³. О ее функции красноречиво говорит сверхсекретное послание Ленина от 19 марта 1922 года. В частности, в нем говорилось: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁴.

Преследования церкви особенно усилились в начале 30-х годов, когда Сталин вел беспощадную борьбу за единоличную власть, за создание системы политического и идеологического тоталитаризма. Верующие неизбежно оказывались ее жертвами, поскольку они открыто провозглашали Бога своим высшим авторитетом и не поддавались духовным манипуляциям «сверху». С 1932 года начинается «безбожная пятилетка»: к 1936 году должны были «исчезнуть последние молитвенные дома и все священнослужители», а к 1937 - «религия должна быть изгнана из самых укромных ее уголков»⁵. О чем, впрочем, говорить, если Ем. Ярославский, глава «антирелигиозного фронта», с особым пристрастием повторял: «Религия только мертвых может повести вперед — к могиле, а впереди жизни рабочих и крестьянских масс религия не идет, не может идти»³.

Судьба религии и церкви в советские времена – не имеющая аналогов по своему масштабу, жестокости, цинизму история истребления церковных структур и искренних верующих, приравнивавшегося к под-

вигам в борьбе за созидание светлого будущего. Эта установка существовала вплоть до распада СССР. Так, робкая «оттепель» Хрущева обернулась для церкви не демократическими послаблениями, а, напротив, целенаправленной кампанией по ее ликвидации. После того, как XXII съезд КПСС (1961) торжественно объявил дату построения коммунизма (1980), по стране прокатилась волна незаконного давления на священников и верующих, по своему размаху и лицемерию вполне сопоставимая с гонениями сталинских времен. И постоянно мелькавшие официальные заверения в уважении чувств верующих, равно как и в обеспечении права на «свободу совести», становились все более лицемерными⁶.

Все это происходило на фоне кардинальной переориентации общественного мнения. Со второй половины 80-х годов на читателей обрушился поток публикаций и кинодокументов о глумлении над высшими религиозными святынями: вскрытие и поругание мощей, сожжение икон, сбрасывание колоколов, издевательство над церковными иерархами, большинство из которых было замучено на Соловецких островах. Тогда-то большевистский атеизм и был объявлен главной причиной вандализма и массовых репрессий. Однако преступления эти были закономерным итогом взаимодействия целого ряда социально-политических факторов, которые в рамках обличительного морализующего сознания неизбежно получали упрощенное объяснение.

Так что следует осторожно отнестись к термину «религиозное возрождение России», поскольку осуждение большевистского безбожия, и даже искреннее сочувствие к его жертвам вовсе не равносильно действительному «обращению» в религиозную веру⁷. Да, многие отрекались от «научного атеизма», но не потому, что их привлекали специфически конфессиональные ценности (о которых они, как правило, имели смутные представления). Речь шла об отстаивании идеалов демократии, свободы личности, ее права определять собственное мировоззрение. Это был стимул-негатив, движение «от противного», и часто человек, порывая с принудительным безбожием, вовсе не спешил оказаться в объятиях «иной», церковной, не менее авторитарной системы и ее не терпящих возражений жрецов.

А что можно сказать о будущем?

Место и роль религии в нашем обществе будет зависеть от того, насколько успешно церковь сможет воздействовать на массовое сознание и поведение населения страны. Здесь следует помнить об опыте советских времен. Программа построения могущественной атеистической державы, показывающей всему миру пути ликвидации эксплуатации и нищеты вдохновляла миллионы людей, в нечеловеческих условиях возводивших новые города и промышленные гиганты, осваивавших районы далекой Сибири и крайнего Севера. Не случайно символом этой эпохи стали гордые слова Павла Когана: «Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях. Чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!». Мировоззрение социально активных тружеников, как правило, прошедших через партию и комсомол, и сегодня определяется процессом секуляризации, совершившейся за минувшие 70 лет. Поэтому многие люди, особенно пожилого возраста, восприняли «смену вех» крайне болезненно – как крушение собственных идеалов и покушение на смысл всей своей жизни. И хотя сегодня они не спешат заявлять о своем неприятии религии, их едва ли можно зачислить в резерв церкви.

Эти общие рассуждения убедительно подтверждаются данными социологических исследований. Как и следовало ожидать, большинство респондентов высказывало отрицательное отношение к атеизму», «социализму», «коммунизму». В конце 80-х годов авторитет религии и церкви быстро возрастал, а безбожного КПСС — падал. Уже в августе 1990 года полное доверие церкви выразило в Москве — 38% и в Ленинграде — до 52%, тогда как КПСС — лишь 14%⁸. В начале 90-х годов только 7% решались назваться «атеистами», а свыше 40% объявили себя «верующими». Но число людей, регулярно посещающих церковь и отправляющих религиозные обряды, составляло не более 10-12 % процентов. Это был рост, как сказал бы Франсуа Мориак, «христиан из приличия и по смутному чувству», которые резко «оттолкнувшись» от официального атеизма, до религиозного «обращения» так и не дошли, а часто и не помышляли.

Как выглядит религиозная ситуация, сложившаяся за «перестроечные» годы? По официальным данным уже к 1 января 1995 года, в Российской Федерации было зарегистрировано свыше 50 религиозных объединений, около 20 из которых появились за минувшие 10-15 лет. Реестр Министерства Юстиции РФ на 1 января 2004 года содержит уже 65 религиозных организаций. Среди них такие экзотические, а часто и скандально-известные группы как мормоны, Саентологическая церковь, Армия спасения, Церковь Объединения Муна и т.п.

Еще недавно господствовало мнение, что демократизация отношений государства и церкви обеспечит повсеместное торжество отношений братства, любви, гуманизма, провозглашаемых смиренными служителями Бога. Эти надежды не оправдались. Во-первых, язык и символы религии нередко используются для разжигания социальных конфликтов, для нагнетания неприязненного отношения к людям, которые скептически относятся к церкви. Во-вторых, конфликтной остается обстановка в самом религиозном лагере. Обостряется борьба за молитвенное пространство и обличение друг друга в «ереси», нарастают недоверие и враждебность по отношению к другим, даже родственным церквам. Примером может служить отношение некоторых православных авторов к баптизму (кстати сказать, крупнейшей протестантской церкви, объединяющей ныне свыше 40 млн. верующих), воспроизводящее обличения дореволюционно-

го времени. Можно напомнить и о недавнем телепоказе кинофильма «Тучи над Борском», созданного в 60-е годы и злонамеренно искажающего реальные черты этой «секты».

Все эти конфликты и трения можно разделить на две группы. 1. Взаимоотношение церкви и власти, религиозного и светского лагерей, или нерелигиозного и религиозного сознания. 2. Взаимоотношения между христианскими течениями: католиками, православными, протестантами. 3. Трения между последователями христианских течений, с одной стороны, мусульманских, будистских, индуистских и т.д. – с другой.

Что же говорят нам специалисты о наиболее вероятных тенденциях в развитии нынешней религиозной ситуации, о том, как будут решаться многочисленные противоречия и конфликты, возникающие в связи с существующим ныне религиозным плюрализмом?

Самое общее впечатление: отечественные религиоведы делают лишь первые шаги на пути достижения профессионального уровня. Религиоведение как бы барахтается в двух противоположных потоках; с одной стороны, добросовестно пересказываются концепции выдающихся богословов ранга Вл. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, а с другой постоянно мелькают немного подчищенные штампы «научного атеизма». Одним словом, повсеместно проявляется «терминологическая инерция» (Б. Пастернак) советских времен.

Особо досаден казус с «атеизмом», хотя понять причины обличительных высказываний в его адрес нетрудно. В начале 90-х годов на читателей обрушился поток документально подтвержденных публикаций о трагических страницах недавнего прошлого, о целенаправленной политике геноцида против духовенства и верующих, жертвами которого стали миллионы людей.

Отсюда и гневные выпады против него, которые заполнили все СМИ в начале 90-х годов. Однако по причине либо недомыслия, либо намеренно они приняли двусмысленный характер, искажающий действительную суть атеизма в истории культуры. А именно, он трактовался исключительно в сталинском смысле: «атеизму» как таковой отождествлялся с репрессивным большевистским безбожием.

Тем самым совершалась грубая подмена понятий. Получалось, что «атеизм», например, великого поэта и мученика Шелли, решительных противников религии Гольбаха и Дидро, критические позиции Б. Рассела, Ж.-П. Сартра, М. Твена, С. Мозма, с одной стороны, и деятельность заплечных дел мастеров типа Ем. Ярославского и Е. Тучкова, с другой, – это явления одного порядка, заслуживающие гневного осуждения.

Но уже факты, приведенные выше, свидетельствуют, что большевистское безбожие принципиально несовместимо с «атеизмом», как он формировался в мировой европейской культуре. Последний выступал против духовной деспотии католической церкви, жестоко преследующей всякое свободомыслие и гражданские права личности. Что же касается «воинствующего атеизма» большевиков, то он представлял собой конвойную «охранительную» идеологию, в псевдотеоретической форме оправдывающую все, в том числе и погромные, акции власти против церкви. Можно сказать точнее. Не разрушение веры в небесного Бога, в Бога церкви, а утверждение рабской покорности богу земному и его порученцам, не атеизм, как он сложился в европейской культуре, а примитивное идолопоклонство – такова была его подлинная суть и социальная функция, которая осуществлялась вплоть до развала СССР.

Иными словами, большинство авторов «воинствующего атеизма» (в 50-е годы переименованного в «научный») фактически выступали, если употребить выражение У. Черчилля, «телохранителями лжи», подменявшими действительную картину духовной жизни общества политически корыстными мифологемами («социальные корни религии в СССР подорваны», «СССР – первая в мире страна массового атеизма», «религия – пережиток сознания» и т. п.).

Главное же в том, что он воспитывал вражду к десяткам миллионов советских граждан, оскорблял их самые сокровенные чувства, а поэтому воспринимался как неотъемлемый компонент ненавистной тоталитарной системы, что и предопределило как духовную атмосферу, в которой начиналась «перестройка», так и мировоззренческий разброд и хаос, который она принесла.

Оглядываясь назад можно уверенно констатировать, что у инициаторов «перестройки» отсутствовала социологически грамотная программа демократизации государственно-церковных отношений. Поэтому с самого начала процесс принял хаотический, непредсказуемый, нередко уродливый характер. Это проявилось в серии маловразумительных выступлений представителей власти по религиозным проблемам⁹, в неразборчивой регистрации религиозных новообразований, в том числе квазирелигиозного, а то и явно криминального характера, в принятии законодательства, страдающего серьезными изъянами и т.д. Визуальным образом этой неразберихи стали картины высоких государственных чинов на фоне иконостаса, освящение всевозможных общественных мероприятий (открытия библиотек, бирж, стадионов, Московского Дома ученых (!), которые даже А.И. Солженицын назвал «шутовскими».

Сегодня в стране наблюдается определенная нормализация религиозной ситуации. Все чаще публикуются серьезные исследования, порывающие как со стереотипами большевистского безбожия, так и церковно-миссионерскими представлениями. Повсюду не только раздаются громкие призывы к веротерпимости и доброжелательному диалогу между церквями, между богословами и атеистами, но и постоянно проводятся конференции, круглые столы и т.п., в которых участвуют и представители самых различных церквей, и убежденные критики религиозного сознания.

Однако меня не покидает ощущение, что все это дружелюбие носит сугубо внешний, конъюнктурный характер, и за ним таится прежняя нетерпимость, старая формула: «кто-кого». Тот же теоретический пафос пронизывает многие религиозоведческие работы последних лет, а именно: ликвидация религиозного сознания – это свидетельство общественно-исторического прогресса, а потому необходимо всеми способами разоблачать богословские измышления о природном мире, обществе, человеке.

Конечно, отдельные характеристики религии, оценки исторических фактов, особенно, если они принадлежат перу крупных отечественных исследователей, составляют золотой фонд мировой культуры¹⁰. Однако его общая структура, ключевые категории и уж тем более исходная установка «воинствующего атеизма» никакой модернизации не подлежат и должны быть брошены в переплавку с учетом знаний о религии, накопленных не только наукой, но и теологией, в том числе зарубежной.

Такова главная задача - разработать теоретические основы, которые позволят избавиться от этой, веками копившейся взаимной неприязни и вражды. И не ради внешнего политета в стиле кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!», а потому, что в свете серьезного понимания роли и места религии в истории, установка «кто-кого» выглядит искусственной и поверхностной. В чем же тогда смысл и назначение религиозоведения в настоящее время? Совсем не в «разоблачении» антинаучности религии и, тем более, не в борьбе с ней, а в создании обстановки, способствующей искоренению отношений враждебности и недоброжелательности между верующими и людьми, относящимися к религии безразлично. Кстати, то же самое можно посоветовать и богословам: не обличение атеистов, а проповедь религии, не задевающая достоинство и чувства людей иной веры. Я уже говорил о миллионах и миллионах людей, воодушевленных идеей построения безрелигиозного общества. Разве можно назвать их лишенными совести, духовности, людьми аморальными? А путь к этому один: глубоко научное понимание сути религии, ее места в мире и в нашем обществе.

Пока же на этот счет у нас сохраняются весьма поверхностные представления. Так, в качестве отличительной черты религиозного мироощущения обычно указывают на веру в сверхъестественный, «горный» мир, в Бога или богов. Между тем трансцендирование, признание «иноного» мира характерно для всех форм культуры: «должное» в морали, «абсолют», «воля», «дух» - в философии, «вечная красота» - в эстетике. Специфика же религии, на мой взгляд, в другом, а именно, в постулировании обратной связи: в признании зависимости судеб людей от неких могущественных, таинственных сил, в способности иноного, «сверхъестественного» мира определять развитие мира земного, связи, которая реализуется посредством особой технологии - культа¹¹.

По-прежнему отсутствует и четкое разграничение «религии» и «теологии». Напомню знаменитое высказывание Б. Паскаля об отличии «Бога Авраама, Исаака и Иакова» от «Бога философов и ученых», иными словами, религии, так сказать, *in vivo* - как «живого» опыта массового сознания, и религии как она выступает для «теоретика». В глазах религиозного человека вера в Бога затрагивает какие-то глубоко интимные, сугубо индивидуальные переживания и не сводится к формулировкам церкви, а тем более ее оппонентов. Для него религия – не просто совокупность отдельных элементов, поддающихся рациональному обобщению; это прежде всего личное, внутреннее переживание Бога, в котором эти элементы только и обретают свой специфически «религиозный» (то есть, со светским не совпадающий) смысл.

Религия – не гипотеза о строении мироздания, даже не просто «наука жизни», это образ жизни, она имеет, как говорят философы онтологическое измерение. В ней аккумулирован вековой опыт жизни, моральные навыки, психологические образцы совместного проживания и совместимости поколений, разных народов, примеры поведения в различных экстремальных ситуациях, примеры героизма и беззаветной верности высоким идеалам.

Но это никак не оправдывает воинствующе-нигилистического отношения к атеистическому наследию прошлого, которое сегодня, к сожалению, доминирует в средствах массовой информации. Мы как-то забыли, что с критикой религии и церкви активно выступали и выступают авторитетные советские историки, этнографы, филологи, естествоиспытатели (С.Г. Струмилин, Н.И. Конрад, С.А. Токарев, Е.В. Тамм, В.Л. Гинзбург, Дж. Бернал, Ж. Кюри, П. Ланжевен и многие другие), которые по праву считали себя наследниками вековых традиций просветителей и гуманистов и в своих исследованиях убедительно показывали ненаучный характер религиозных представлений о мире. Так что справедливые, страстные обличения произвола большевистских безбожников не должны подменить суть дела надуманной альтернативой: либо новый ГУЛАГ, либо религиозное подобострастие и засилье клерикализма.

Показать искусственность такой альтернативы, обеспечить торжество «терпимости» невозможно путем демонстрации политического прагматизма и показной религиозности, требуется спокойное, реалистическое понимание взаимоотношения светского и религиозного сознания как исторически закономерных форм культуры, понимание, очищенное от неоправданного самомнения ученых и конфессиональной узколобости богословов.

Для того, чтобы нагляднее представить себе религиозную ситуацию в России, полезно обратиться к центральному персонажу разыгрывающейся драмы – Русской Православной Церкви. Именно против нее

прежде всего были направлены большевистские репрессии, и она понесла наиболее тяжелые потери¹². Однако РПЦ по сию пору остается «главной» на территории России, на ее долю приходится около 60 процентов всех зарегистрированных религиозных организаций. На 1 января 2004 года церковь имела 10767 приходов и общин, 354 монастыря, 82 централизованных религиозных организаций, 273 различных учреждения¹³, развитую общероссийскую инфраструктуру, громадный штат священнослужителей, многочисленные издания. За этими внушительными показателями, однако, скрываются многие нерешенные проблемы.

Более трети церквей ощущают острую нехватку приходских священников, за солидным числом монастырей скрывается малочисленность монашествующих верующих, скудных финансовых средств не хватает не только для реставрации, но и для консервации многих памятников культуры, переданных Московской патриархии в 1993 году

Особую проблему составляют обострившиеся внутренние расколы, растущая конкуренция как родственных, так и иных конфессий. В XX столетии наиболее драматическим для русского православия стало образование в 1921 году самостоятельной Русской Православной Церкви Заграницей, осудившей сотрудничество РПЦ с «безбожной советской властью». Сегодня этот конфликт, ставший анахронизмом, постепенно сглаживается, чему во многом способствовала дружеская встреча В.В. Путина с главой РПЦ митрополитом Лавром (сентябрь 2003). Политическая подоплека предопределила и трения РПЦ с православными церквями на Украине и в Эстонии, Характер этих трений в будущем зависит от того, как будут складываться политические отношения с этими, теперь независимыми странами. Сложные и неприязненные отношения сложились между РПЦ и Католической церковью. В последние годы трения несколько сгладились, но серьезных изменений пока не предвидится¹⁴. Еще недавно взаимная неприязнь проявлялась и в отношении РПЦ и ряда протестантских церквей, например, баптистов¹⁵.

Результаты соперничества на открытом «рынке идей вызывают обеспокоенность руководства РПЦ. Основания серьезные. «...У РПЦ в настоящее время имеется 10 млн. постоянных прихожан (посещают церковь хотя бы раз в месяц, они доверяют ей больше, чем какому-либо другому социальному институту) и еще 10 млн. потенциальных прихожан, посещающих Церковь только на Пасху или Рождество. При этом 95 млн. ассоциируют себя с РПЦ, но не приходят на церковную службу даже на Пасху или Рождество и не совершают важнейших религиозных обрядов даже раз в год».

«По данным ВЦИОМ, уровень доверия россиян к Церкви, достигнув пика в 55,5% в феврале 1994 г., упал к сентябрю 1997 г. до 37,6%. По данным ИСПИ РАН, с января 1996 г. по ноябрь 1999 г. доля россиян, доверяющих Церкви, упала с 32 до 26%, а доля не доверяющих ей выросла с 42% до 48%. По данным АРПИ, с начала апреля 1999 г. до начала июля 2000 г. доля россиян, доверяющих церкви в наибольшей мере (больше, чем какому либо другому социальному институту) упала с 10 до 7%»¹⁶. Симптоматично, что все исследования зафиксировали: основной причиной падения авторитета Церкви стала ее вовлеченность в политику. Так, число людей, не одобряющих прямого участия церкви в политической жизни с 26% в 1990 году, спустя два года возросло до 68%.

Учитывая это Церковь активно налаживает конкретные и менее бросающиеся в глаза деловые связи с конкретными светскими структурами: с армейскими, образовательными, медицинскими, финансовыми. Одновременно она всячески подчеркивает свою миссию как наследницы и символа великой и неделимой «Святой Руси, обличая другие, прежде всего «нетрадиционные» религиозные новообразования как губительные для русской духовности. В этом отношении показателен Архиерейский собор 1994 года, принявший развернутое определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме»¹⁷.

Здесь, действительно, затрагивается не частный, а крайне острый вопрос о сохранении самобытной отечественной культуры. Русская культура формировалась как культура, в основе своей православная - в том самом смысле, в котором мы именуем «христианской» европейскую цивилизацию и европейскую культуру. А поэтому неконтролируемое нашествие иноземных «мессий» и «спасителей» (а в ряде регионов их последователи уже составляют большинство верующих) несет угрозу российской культуре.

Постепенно руководство РПЦ осознало и опасность вовлеченности в политические баталии и сегодня стремится исходить из принципиальной установки, четко формулируемой Алексием II: «...далекая от политической ангажированности, уважая избранных народом руководителей, Церковь всегда сохраняет за собой возможность возвышать голос против безнравственности, несправедливости, лжи, порока, вражды, насилия»¹⁸. Эта программа патриарха конкретизирована в «Основах социальной концепции Русской православной церкви»¹⁹, где, в частности, провозглашается право церкви в случае нарушения прав верующих занять позицию гражданского неповиновения.

Говоря о тенденция в развитии религиозной ситуации, необходимо иметь в виду одно важное обстоятельство. В реальной жизни существуют лишь конкретные, так называемые исторические религии, ведущие борьбу не на жизнь, а на смерть за овладение молитвенным пространством. Россия особо показательна в этом отношении: в ней господствует поистине Вавилонское смешение многочисленных конфессий, религиозных объединений и групп – как существовавших ранее, так и новых, появившихся в результате массового нашествия на российскую землю. Их жизнестойкость в новых условиях различна: у каждой имеются свои

преимущества и уязвимые моменты. Так что нужно вести не о судьбе «религии» вообще, а о шансах на выживание в будущем совершенно конкретных церквей и групп, существующих ныне в нашей стране.

О трудностях, с которыми сталкивается РПЦ, я уже говорил. Что же касается религиозных новообразований, или «религиозных культов» (а их численность составляет 200-300 тыс. человек), то их судьба складывается по-разному. Одни из них, едва появившись, бесследно исчезают. Другие, напротив, укореняются на российской почве и увеличивают число своих последователей, провоцируя появление сходных новообразований (Богородичный центр, Великое Белое Братство, Церковь Виссариона, Учение Порфирия Иванова и др.)²⁰.

В деятельности российских «религиозных культов» тесно переплелись духовные поиски молодого поколения, вызванные болезненным состоянием общества, и цинично-расчетливая деятельность самозванных «спасителей» и «мессий», которые либо преследуют сугубо меркантильные цели, либо стремятся удовлетворить свои болезненные амбиции.

Способностью увеличивать численность своих последователей отличаются не только нетрадиционные религии, недавно дебютировавшие на российской почве. Так, максимально динамичным религиозным объединением, проявляют себя так называемые пятидесятники – церковь, которая еще недавно была на периферии общественной жизни. В своем вероучении они успешно реконструируют идеи М. Вебера о протестантской этике как стимуле и способе освящения демократического общества и рыночных отношений. Об этом свидетельствует быстрый рост пятидесятничества, которое уже сегодня насчитывает около 4,5 тыс. церквей, объединяющих почти 900 тыс. верующих, а к 2015–2020 годам по расчетам специалистов может увеличиться до 2 млн. человек²¹.

Каковы же причины?

Самая главная состоит в том, что пятидесятническая церковь, активно участвуя в социальном служении, выдвигает привлекательные, в том числе и для молодежи, мотивы для активной деятельности в обществе. Она проповедует возможность и необходимость при наличии «даров Святого Духа» честным трудом, в неутомимой борьбе с социальными пороками и болезнями людей, которые порождены первородным грехом и недугами бездуховного общества, построить Царство Божие на земле (так называемая теология «процветания»). При этом пятидесятники энергично стремятся превратить слова в дело.

Практически каждая пятидесятническая община организует группы верующих по работе с наркоманами, алкоголиками, больными СПИДом, беспризорными детьми, домами для престарелых и т.д. Пятидесятники отличаются глубокой религиозной верой и экзальтированными богослужениями, одним из центральных моментов которого является глоссолалия – говорение на «иных» языках в состоянии предельного экстатического состояния. Как свидетельствуют многие примеры, участие в таких богослужениях нередко приводит к излечению тяжелой болезни (например, наркомании), что далеко не всегда удается светской медицине. Такой «духовный дар» исцеления в глазах пятидесятников воспринимается как «знак власти Господа прощать грехи»²².

Пасторы пятидесятников постоянно подчеркивают, что верующие должны строить все свои отношения – в семье, в общественной жизни – на основе норм евангельской морали. Так, в семейной жизни должна господствовать «духовная полнота» брачных уз, муж и жена должны быть «крещены Духом Святым», а сам брак может совершаться только между верующими. Пятидесятническая община становится островком «жизни в Боге», когда каждый строго следит за нравственностью всех.

На первый план проповедники пятидесятников выдвигают принцип преуспевающего христианина, который подразумевает, что каждому человеку, который соблюдает Его заповеди, Бог помогает преодолеть конкуренцию со стороны других, достичь успеха в своей деятельности, в том числе и коммерческой. Конкуренция – таким образом, получает в пятидесятничестве богословскую санкцию, а коммерческий успех расценивают как Божье благословение, как свидетельство «избранности»²³.

Всякая власть, напоминают пасторы, «установлена от Бога», а поэтому верующие должны заботиться об укреплении демократического государства, помогать президенту пресекать ошибочные действия авторитарных и некомпетентных чиновников, максимально способствовать построению в России сильного демократического государства и гражданского общества²⁴. Эти принципы пятидесятники кладут в основу своей миссионерской деятельностью.

Они стараются найти свое место в рамках православной культуры, стать «русской верой», близкой любому представителю русской культуры, сформировать патриотические ценности «русского протестанта». Рядовые православные, продолжают они могут принять «крещение Духом Святым», что же касается РПЦ, то она должна постепенно отмереть, поскольку является носителем «мертвой» традиции.

Пятидесятники активно стремятся пополнить свои ряды за счет коренных народов, умело проповедуя новые ценности, связанные с рыночной экономикой, конкуренцией, принципами демократии и нормами рациональной западной культуры. Обычно они добиваются успеха, поскольку эти ценности, цели и средства помогают неопиту выжить в постоянно меняющемся нестабильном российском обществе, делая их родную культуру «современной». Таким образом, из маргинальной религиозной группы, какой были советские пятидесятники, пятидесятническое движение превратилось в значительную силу, – не только в рамках российского общества, но и в мировом протестантском лагере.

Говоря о современной религиозной ситуации мы пока не принимали во внимание тот факт, что «пере-

стройка» совершается в многонациональной и многоконфессиональной стране. Поскольку же религия воспринимается как средоточие, эпицентр культуры, не только выражающий, но и творящий национальную культуру²⁵, то острые конфликты легко принимают вид противостояния «добра» и «зла», «божественного» и «сатанинского». Наиболее драматическим проявлением подобных противоречий и служат войны на религиозно-этнической почве.

Ломка государственного репрессивного механизма привела к тому, что все загнанные внутрь противоречия вышли наружу, воспроизводя феодальные а порой и родоплеменные социальные связи и обычаи, гальванизируя лишь по видимости вытесненные архаических формы сознания, психики, межличностных отношений и, естественно, - религии. Крайним проявлением этих процессов и стали межнациональные трения, переросшие в кровопролитные вооруженные войны и стычки на территории бывшего СССР, в том числе и России.

Сегодня аналогичные столкновения приобрели интернациональный характер и бурно проявляются в странах и регионах не только «третьего мира», но и индустриального Запада. Это объясняется кардинальными сдвигами в фундаменте мирового общежития. На место противостояния двух сверхдержав пришли так называемые цивилизационные столкновения, вызванные протестом со стороны стран Востока против политики вестернизации²⁶. Едва ли не решающим компонентом такого протеста оказывается религия, в частности, столкновение «иудаистского», «христианского» и «исламского» миров. Напомню суждение академика Н.Н. Моисеева: «В Европе (я бы сказал: даже в Европе – Л.М.) линия раздела между народами проходит не столько по границам национальных территорий, сколько по линиям религиозного размежевания»²⁷.

Так что ситуация выглядит достаточно прозрачной: обострение межцивилизационных конфликтов будут продолжаться до тех пор, пока Запад, то ли видя опасность насильственной вестернизации, скрытой пружиной которой служит пресловутая идея Pax Americana, то ли под давлением мирового сообщества не внесет коррективы в эту политику, весьма смахивающую на колониальную.

Вывод простой: процесс секуляризации, как и соперничество различных религиозных объединений и конфессий будет продолжаться на протяжении XXI века, и сегодня можно высказать лишь самые приблизительные суждения об их судьбе в будущем.

Здесь полезно вспомнить о некоторых взглядах Канта. Он четко различал, с одной стороны, естественную, или «моральную» религию, суть которой составляют не различные церковные догмы и обряды, а чистое нравственное, следовательно, свободное сознание, независимое от всех внешних, чуждых ему мотивов, с другой - «доктринальную религию», слившуюся с государственными структурами и от имени Бога навязывающую своим последователем корпоративные политические взгляды. Именно с последней связаны постоянные трения и войны на религиозно-этнической почве, охватившие сегодня весь мир. Что же касается «моральной религии», то она, и в этом Кант был прав, удовлетворяет фундаментальные экзистенциальные потребности человека²⁸, значительно обострившиеся в наш век, полный глубоких противоречий. Поэтому надежды на скорое наступление «иррелигиозного будущего»²⁹, столь популярные среди естествоиспытателей, религиоведов, философов канун XX века, лишены серьезных оснований.

Означает ли это, что уже сегодня стирается грань между наукой и теологией, что религия также способна давать научное решение ряда проблем? Нет, речь идет о необходимости различать науку и религию как особые формы культуры, каждая из которых имеет свой предмет, свои методы получения знания, которые в совокупности составляют то, что именуется мироощущением личности.

Если же говорить о более далекой перспективе, то наиболее перспективными мне представляется концепция так называемой «нецерковной», или «гражданской» религии, которую настойчиво защищал выдающийся американский философ Джон Дьюи, который решительно отмежевывается от теистической интерпретации Бога. По его мнению, в будущем демократическом обществе религии будет существовать как «общая вера» человечества в действительность нравственных идеалов, вера, которая «не будет ограничена сектой, классом или расой»³⁰.

С его воззрениями хорошо согласуются представления о религии ряда выдающихся естествоиспытателей. Наиболее авторитетным можно считать понятие «космического религиозного чувства», на котором настаивал А. Эйнштейн. Вопреки частым заявлениям богословов, великий физик не был верующим в церковном смысле. Он специально подчеркивал, что его «космическая религия» не предполагает «ни догм, ни Бога, сотворенного по образу и подобию человека», «не приводит ни к сколько-нибудь завершенной концепции Бога, ни к теологии». Кстати сказать, «никакой религиозной основы», по его мнению, не требуется и для «этического поведения»³¹. Если учесть, что крупнейшие отечественные естествоиспытатели (например, А. Д. Сахаров³², Б.В. Раушенбах, даже последовательный материалист Н.Н. Моисеев³³) высказывались о религиозном мироощущении как «естественном» для человечества, то имеются все основания предположить, что в далеком будущем подавляющее большинство людей предпочтет «проклятые» экзистенциальные, смысложизненные проблемы решать в рамках нового мироощущения, так или иначе снимающего противопоставление научного и вненаучного знания, как это уже делают последователи «космизма»³⁴. Но конечный результат зависит от того, какими путями пойдет человеческое сообщество, будут ли обостряться или же, напротив, сглаживаться межцивилизационные противоречия.

- ¹ См. Филатов С.Б. «Русская православная церковь и политическая элита». // «Религия и политика в посткоммунистической России. Отв. ред. Л.Н. Митрохин М., 1993. С 100.
- ² Маритен Жак. Философ в мире. М., 1994. С. 95-96.
- ³ О ней подробно см. Савельев С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – Антираионозной комиссии). // Религия и демократия. На пути к свободе совести. II. М., 1993. .
- ⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 193.
- ⁵ Савельев С.Н. Цит. пр. С. 202.
- ⁶ В подготовленном под контролем Политбюро учебнике, например, торжественно сказано: «Ни одна страна в мире не знает такой подлинной свободы совести, которая обеспечена для всех в Советском Союзе». (Антираионозный учебник. М., 1940. С. 465).
- ⁷ Напомню о выводах, основанных на результатах десятилетнего социологического исследования: «Мы убедились, что слова «раионозное возрождение в России» могут употребляться только в кавычках. Это возрождение имеет самый поверхностный и «идеологический» характер («Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. Под ред. К. Каарийнена и Д.Е. Фурмана. М.-СПб. 2000. С. 38.).
- ⁸ Это какое-то нервное истощение. Беседа с академиком Т. Заславской // Комсомольская правда. 30 октября 1990 г.
- ⁹ См. Филатов С.Б. Русская православная церковь и политическая элита // Религия и политика в посткоммунистической России. отв. ред. Л.Н. Митрохин. М. 1994.
- ¹⁰ Прежде всего я имею в виду работы С.А. Токарева, С.И. Ковалева, А.И. Клибанова, Д.М. Угриновича, А.П. Каждана, И.Д. Амузина.
- ¹¹ В свое время такое понимание религии я попытался обосновать в книге «Философия религии (опыт истолкования Марксова наследия). М., 1993.
- ¹² Едва ли стоить предупреждать, что эта тема поистине безбрежна. Так что речь у нас пойдет лишь о некоторых моментах, которые связаны с общей проблематикой статьи.
- ¹³ Состав и количество религиозных организаций и представительств иностранных религиозных организаций, содержащихся в реестре Министерства юстиции Российской Федерации (по состоянию на 1 января 2004 года) // Аналитический вестник № 17 (237. С. 53.
- ¹⁴ Наибольшее раздражение Московского Патриархата вызывает учреждение Ватиканом 4 епархий и «прозелитизм» в России, которую РПЦ считает своей «канонической территорией», посещение Иоанном-Павлом II Украины в 2001 году, проведение прямого моста с Папой. Однако возможности смягчения отношений далеко не исчерпаны. Во всяком случае, в будущем можно было бы избежать недавних, порой оскорбительных высказывания ряда православных деятелей по адресу католической церкви и самого Папы. (См., например, «Известия» от 25 марта 2000 г.).
- ¹⁵ См.: Современные ереси и секты в России. СПб. Православная Русь. 1995. С. 48-49.
- ¹⁶ «НГ-Религия». 9 августа 2000 г. Сходные социологические данные приведены в «Известиях от 8 сентября 2001 года.
- ¹⁷ Архиерейский собор Русской православной церкви: 29 ноября – 2 декабря 1994 г. М. Издательство Московской патриархии. 1995. С. 179.
- ¹⁸ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II Столетие трагедий, столетие надежд // Россия на рубеже ХХ1 века. Оглядываясь на век минувший. М., «Наука». 2000. С. 37.
- ¹⁹ ИБ №8. Август 2000. Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. Информационный бюллетень. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Подробные комментарии этого документа отечественными религиоведами смотри в книге «О социальной концепции Русского православия». М. 2002.
- ²⁰ См. Религия в истории и культуре. Раздел III, глава 15. Под редакцией М.Г. Писманника. М. 2000; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в Современной России. М., 1999.
- ²¹ См. Лунгин Р.Н. Автореферат на соискание кандидатской диссертации «Вероучение и социальная деятельность пятидесятничества в России» М. 2005. С. 45.
- ²² Основы социальной концепции Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской (РОСХВЕ). М., 2002, с. 16.
- ²³ Там же, с. 9.
- ²⁴ С. Ряховский. Нам есть о чем говорить с президентом. // Общероссийская газета «Живая Вера», № 5 (074), май, 2004.
- ²⁵ Проблема взаимоотношения мифологии и религии – громадная самостоятельная тема, которая уже привлекла внимание многих ученых. В данной статье упоминаются лишь некоторые ее аспекты. См.:
- ²⁶ «Соперничество между сверхдержавами сменилось на столкновение цивилизаций и впервые в истории глобальная политика стала не только мультиполярной, но и «мультицивилизационной» (С. Хантингтон)

- ²⁷ Моисеев Н.Н. *Экологический кризис и цивилизационные конфликты // Проблемы глобальной безопасности*. М., 1995. С. 134.
- ²⁸ Подробнее о воззрениях Канта см. Ойзерман Т.И. «Философия как история философий». М. 1999. В свое время я пытался как-то разобраться в этой проблеме. См. Митрохин Л. Н. «Философия религии» // *Опыт кантовской интерпретации*. С. 309-329).
- ²⁹ О популярности этой концепции свидетельствует огромный успех, выпавший на долю фундаментального труда М. Гюйо «Иррелигиозность будущего» (М. 1909). Книга направлена против теоретиков, отрицающих «вечную необходимость религии». Анализируя процесс секуляризации, он убежденно отрицает мысль о грядущем торжестве безрелигиозного общества.
- ³⁰ Dewey J. *A Common Faith*. New Haven. 1934. P. 9, 87. Подробнее о взглядах Дьюи на религию см.: Edward L. Schaub "Dewey*s Interpretation of Religion // *The Philosophy of John Dewey*. Ed. by Paul A. Schilpp. 1971. La Salle. Illinois. Pp. 391-416.
- ³¹ Цит. по Фейнберг Е.Л. *Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке*. М., 1992. С. 118, .112.
- ³² Цит. по Фейнберг Е.Л. *Указ. соч.* С. 118.
- ³³ Моисеев Н.Н. *Универсальный эволюционизм. «Вопросы философии»*. 1991. № 3. С. 28.
- ³⁴ См. *Русский космизм*. М., 1992.